

Маскировка (фрагмент)

© Юз Алешковский

9

В бригаде у меня адвокатов было несколько. Устроили мы за Манькиным ларьком юридическую консультацию. Обмозговываем пару дней положение. Выработываем план защиты, химичим смягчающие обстоятельства и на случай суда выпрямляем линию Дуськиных показаний. Ведь ее таскать продолжают и говорят: «Все равно посадим. Не может преступление, о котором уже известно на Западе, остаться без наказания! Ты, Дуська, – говорят, – прецедент создала. Интуристы, испорченные сексуальной революцией, ночуют теперь из-за тебя около Ленина, Дзержинского и Маркса-Энгельса. Брюки сами снимают и ждут до утра, но не выпадает им кайфа. Сознавайся, кто тебе вынес из-под земли кусок политбюрона и какой-токой неизвестный, удалив от него все лишнее, наподобие Фидию, изваял орудие преступления – член? Сознавайся, не то мы тебе скотоложество припаем! « Дуська моя, однако, заладила: «Если родная наша Коммунистическая партия и родное Советское правительство только на словах борются с алкоголизмом, а на самом деле увеличивают выпуск водки, сухарика и чернил, если с помощью вздувания цен на спиртное и замораживания зарплаты Косыгин хочет уменьшить инфляцию, если насрать ему, что сивушные двуязычные уроды на свет выходят и к 2000 году мы зайдем по косорылости первое место в мире, а по гуявости – третье, то нам, бабам, все это не безразлично! Вон маманя моя, – говорит Дуська, называя так нежно эту суку параличную, плывущую, как Хейердал, на судне в крематорий, – что рассказывает? « «Бывало, дочка, залазит на меня супруг, отец твой, царство ему небесное, залазит, а я уж сладко, сладко думаю, мечтаю, наяву, бывало, вижу ребеночка, которого... ой, как хорошо, которого... ой, как замечательно даже, Санечка... которого... любимый ты мой... умираю... умираю... вот сейчас... вот через секундочку... вот оно... вот... ребеночка вижу, которого заделывает мне супруг Саня, и ребеночек тот розовенький, пухленький, цыпленочек с ручками, с ножками, с глазками, с носиком, с пипкой исправненькой, с попкой родной, ты это – Дуська, красавица моя, и за что тебе наказание такое послано, почему не ебет тебя твой змей восьмого разряда, ведьму полюбил с глазами оловянными, кубанскую перцовую московскую особую... Брось его, Дуська! « И нам, товарищи прокуроры, хочется, как нормальным бабам и спать просто так с супругами от шалости и для удовольствия, и к тому же ребеночков рожать, чтоб не стыдно было за ихний ум и внешность перед другими странами и народами. Пускай знает Косыгин: Мы сами теперь за себя постоим, пусть земля горит под ногами у мужей-алкоголиков! Не будет им теперь покоя! Не политбюроновый хер, так пробковый! Не пробковый, так гудроновый! Найдем, что влупить и перцем присыпем, пусть жжет с неделю, хотя перца тоже в бакалее не стало! Вы их свели с ума, настропалили на маскировку, а мы их сызнава на ноги поставим и газет читать не дадим про ваши бомбы, ракеты, войны, кровавых империалистов и обстановочку небывалого всенародного подъема на субботнике. И я лично на него больше не выйду! Ищите дураков! Денежки с субботника, миллиарды за труд наш бесплатный, всаживать надо не на постройку раковых корпусов и стадионов, а на больницы для алкашей наших проклятых и несчастных. Плевать нам, ихним женам, на стадионы! У Доценок дочка еле ходит, у нее по восемь пальцев на ногах, куда уж ей рекорды ставить на олимпиаде-80! А у Долидзе, у Гиви младшего позвонок кривой. Кидай его на лед в фигурное катание двойной тулуп делать! Так и передайте Косыгину! « – говорит Дуська.

10

Задумались прокуроры. Делать нечего: докладывают Косыгину, Косыгин политбюро собирает сразу после «Голубого огонька», на котором Зыкина пела. А мы в тот день за Зинкиным ларьком сидели. Щепы набрали, коры березовой и листьев кленовых. Костер разожгли. «Ташкент! « – говорит Тетерин, а сам дрожит, как землетрясение. Согрели бутылку портвейна на огне чуть не до кипения, глотаем по очереди из горла горячую заразу, оживаем, сплотившись еще тесней вокруг костра. Тетерин вдруг дрожать перестает, хлопает нас по плечам, взгляд затвердел у него, и говорит: «Я вчера на политбюро был вызван. Доклад делал о цели существования химчисток, так называемых «американок» в нашей стране. Но передо мной о Дуське разговор зашел. Судить ее или не судить?

Брежнев говорит: «С точки зрения успехов дальнейшей маскировки, это у нас объективно, дорогие товарищи! « Говорил он, кстати, без бумажки. Тетерин сам видел, не врет никогда в таких случаях... А Суслов, чахоточный такой, не стоит у него с тридцать седьмого года, не соглашается... «Проморгали мы, не досмотрели погранвойска и таможенная служба, как половая революция перешагнула наши границы. Вот они, плоды разрядки – мать ее так. Расхлебывайте это дело сами! Предлагаю усилить идеологическую работу среди населения с помощью партпенсионеров. Все равно они зря чешут языками на бульварах! « Тут Андропов слово взял. «Так и так. Давайте попробуем сухой закон устроить, а из зарплаты алкоголиков удерживать от 3 р. 82 коп. до 4 р. 12 коп. в месяц на строительство антиалкогольных профилакториев с принудительной утренней зарядкой. Дуську же надо отправить в психушку. Она взяла на себя функции наших органов! « Косыгин вдруг как ебнет кулаком по зеленому сукну и попер на них с мешками под глазами: «Вы что! Сухой закон немедленно вызовет прекращение строительства БАМа и других молодежных строек! Твоими лозунгами, Суслов, народ не взбодришь! Людям в провинции жрать нечего, так пусть хоть пьют. Потом в коммунизме окупятся с лихвой, с большими процентами наши отрицания и лишения. Госбанк торжественно даст нам на это свои гарантии. Кириленко, маленький такой, тоже мешки под глазами, глазки от черной икры заплыли, докладывает: «Наш резидент «Соколок», натурализовавшийся на острове Лесбос, доносит, что идентификация женщин с мужчинами, начавшаяся здесь до нашей эры, продолжается. Спрашивает шифровкой: как быть с Дуськой? « «Беда! – говорит Подгорный. – Народ пить резко бросил после всех этих изнасилований мужчин. Стрезва иначе мыслить начинает. В религию уходит. А самое страшное для нас сегодня, товарищи коммунисты, в том, что начинает народ искать ответы на Вечные Вопросы не в беспробудном пьянстве, а в наблюдении за интимной жизнью своих руководителей. У народа возникает незаконная социальная зависть к системе снабжения нас любительской колбасой со знаком качества. А дальше что будет? « В общем, братец ты мой, генерал, все политбюро сошлось на том, что надо устроить еще один всенародный внеочередной субботник, а магазины «Березка», где по сертификатам без маскировки продукты продают высшего качества, закрыть немедленно, чтобы они, сволочи, не мозолили народу глаза и не уничтожали его веры в наше бесклассовое общество и в то, что все от мала до велика, от Брежнева до ханьги Тетерина, просты и скромны, как Ленин. «А теперь, – говорит Брежнев, – давайте посмотрим запись биотоков ленинского мозга, которую удалось записать нашим славным микрофизикам с помощью самого большого в мире радиотелескопа». Тетерин сам видел, как на экране зеленые змейки забегали и запятые заплясали. «Полвека, как дуба врезал человек, а мозга все еще у него кумекает, не то, что у нас, – говорит Брежнев. – Кумекает и подбивает, как говорится, резюме всей нашей партийной работе: правильной дорогой идете, дорогие товарищи! Будьте и впредь беспринципны в своей борьбе с империализмом и сионизмом! Давайте теперь проголосуем, обменивать нам баш на баш Корвалана, поскольку Пиночет, блядь такая, почуял нашу слабину в Хельсинки. Тактику новую и коварную избрали враги прогресса и мира. Раньше они пулю в лоб шмаляли коммунистам, мучили наших братьев по разуму в застенках до смерти, растворяли в различных кислотах и так далее, и не было у КПСС с ними возни. Зачислим в мученики, и с рук долой. Ныне коленкор иной. Мы, мол, вам Корвалана, а вы, дескать, нам Буковского. Я лично торговаться разучился, так как давно не покупал на Тихом рынке телятину, гвоздики и картошку. Предлагаю отдать Буковского. Но посмотреть при обмене, чтобы вместо Корвалана другого какого-нибудь обормота нам не подсунули. Самого же строго предупредить, чтобы не вздумал трепаться насчет нарушения в СССР «прав человека», не то этапируем обратно в Чили, и там трепись, сколько хочешь. Кто против? « «Я! « – шепотом, потому что чахоточный, говорит Суслов. «И я! « – вякает Косыгин. «Сталин так бы не поступил! – поясняет Суслов. – Он Троцкого достал, а Корвалана ликвидировать гораздо проще. Политический же эффект после его вынужденной ликвидации был просто шикарным. Плюс отсутствие прецедента. Прецеденты сводят на нет нашу работу. А вдруг реакция начнет арестовывать генсеков во всех странах и провоцировать нас менять их на диссидентов и сионистов? Что тогда? Хрущев уничтожил НЗ политических заключенных. Мы с таким нечеловеческим трудом снова наладили это дело, по крохам собирали, можно сказать, и вот – пожалуйста! Корвалан сидит там в отличных условиях, не пытаются его, свиданки дают, интервью разрешили раз в неделю, пусть себе сидит и объективно служит делу мира и социального прогресса. Логика подсказывает, товарищи, что тюрьма это – время. А любое время работает на нас! Я – против! « «Я лично, – говорит тогда Косыгин, – предлагаю поступить по-ленински, согласиться на далеко идущий компромисс. Давайте обменяем Корвалана на Дуську. У нас невиданными темпами растут ряды женщин-пидарасов, разворачиваются для этой цели ценнейшие полимеры политбюрон, партбюрон и надсадки для членов из таких

сверхтвердых сплавов, как совмений, подгорный и кэгелий-бэ. Более того, в провинциях пошли в ход сезонные овощи: морковь, огурцы, початки кукурузы, редис «Слава Терешковой», хрен «Комсомолец-долголетний», кочерыжки и так далее. Исчезла с прилавка магазинов черноземной и других полос колбаса всех сортов. Народ вправе спросить нас, коммунистов: «Где наша колбаса? «Что мы ответим? Повышение цен на отсутствующие в продаже продукты и промышленные товары оказалось правильным политическим шагом, но не принесло желаемого экономического эффекта. Увеличение платы за пробег такси – не панацея от всех бед, хотя курсирование населения из областей и районов в города и столицы в поисках дефицитных продуктов и товаров заметно уменьшилось, а экономия бензина увеличилась. Соответственно наблюдается резкий скачок его экспорта в страны НАТО. Обмен Корвалана на Дуську улучшит наши балансы и частично ликвидирует некоторые трудности снабжения населения овощами и бананами. Затрону теперь главный аспект всей проблемы. Бесславный почин Дуськи привел к катастрофическому затовариванию складов, магазинов и ресторанов нереализованными винно-водочными изделиями. Возникают пробки на крупных железнодорожных узлах. Растет инфляция, тромбированы многие внутренне-банковские финансовые операции. Крепнет реальная угроза спонтанного образования второй оппозиционной партии в нашей стране на политической платформе, не брезгующей никакой социальной демагогией. Идея глобальной маскировки наружного пространства СССР находится под угрозой: В такой ситуации лозунг «Вперед к Коммунизму» выглядит смехотворно даже для дураков из братских компартий. Предлагаю поручить министру внешней торговли произвести обмен выше названных лиц в одной из нейтральных стран. Дело зашло слишком далеко. Зыкина моя вчера заявляет: «Если бы ты, Алеха, пил, я бы теперь знала, как поступить! «

11

Разобрали мы ящички из-под апельсинов арабских, подкинули дощечек в костер, вторую бутылку подогрели, хорошо пошла, а Тетерин шпарит наизусть ихние речуги на политбюро. Шпарит, я же думаю, пронесет или не пронесет? Чем дело кончится? До чего мы дошли, Дуська с тобою? И виноват я перед заключенным своим сыном Славкой. Если б не я, моя многомиллионная бригадушка, да всякие надомники – поэты, композиторы, художники и артисты, не сочинил бы Славка книгу «Развитие алкоголизма в России», не тискал бы ее на ебаном Западе, не сидел бы нынче под землей на Лубянке, а пил бы портвешок в подъезде и там же с девок брюки сдирал.

«Дуську менять мы не будем, – говорит Андропов. – Она без сына и мужа никуда не слиняет. А мой агент, работающий в кровавом чилийском гестапо докладывает, что естественная смерть Корвалана не за горами. Стоит ли рисковать в таком щекотливом деле? «Стоит! – отвечает Брежнев. – Латиноамериканцы живучи. По словам моих референтов, Арисменди месяцами не ел, не спал, свертываемость его крови после пыток была равна нулю. Но он выжил. Потому что формула крови коммунистов продолжает оставаться загадкой номер один для врагов и международных карателей. Поменяем этого бандита Буковского на Корвалана. Хер с ним. Долго он после андроповской баланды и режима не протянет! «Бурная овация. Все встали, потом сели и дают слово Тетерину. Наливает себе Тетерин из графина хрустального с золотой крышкой крымской мадеры, хлопыть стакан и тоже толкает речугу. «Я, – говорит, – как внештатный контрразведчик, открыл такую штуку: сущность химчисток «американок». Однажды после смены желаю я опохмелиться. Но постепенно становится очевидным, что тряпок моих дома нет. Ни брюк, ни пиджака, ни байковой рубашки не нахожу нище. Я бы Эллинские, бабы своей, тряпки напялил, неоднократно так поступал, но и их стерва из дома вынесла. Читаю записку, на ручке в сортире надетую: «Сволочь! Пьянь! Вещи в химчистке. Сиди дома и будь проклят! «Ах, так? Хорошо. Решаю сдернуть, как давеча, шторы, завернуться и таким манером проследовать в «Чайку», вырвать у ней из клюва свои тряпки. Шторы сняты. Хорошо, думаю, сука, я тебе сейчас устрою Сталинградскую битву под Москвой! Однако удар Элка нанесла мне почти смертельный: не нахожу ни простынки, ни наволочки, ни скатерки! Окружен! Окружен! А в окнах уже хари вражеские лыбятся. Рога у них и червяки в ушах. Я по-пластунски бросаюсь в сортир, а там Киссинджер сидит, очки протирает, я в него громкоговорителем – бамс, воду спускаю, нету Киссинджера, только от унитаза кусок откололся. Пот с меня льет красный, зеленый, серый, и в каждой капельке по песчинке. Прыгаю в ванну, а-а-а-а!.. в ванной Киссинджер голый лежит, холодный, скользкий... а-а-а-а! Вываливаю на него всю посуду из буфета, а он из телевизора на меня зырит и говорит: «Не бойся, Тетерин, я – Валентин Зорин! «А-а-а-а!.. Тут мне политбюро бурную овацию

устроило... Бросаю телевизор с балкона прямо на «Жигули», развели машин ворье, колхозники, спекулянты! Вроде легче стало, но на обоях вдруг уши проросли и запах из ушей... задыхаюсь... вонючка глотку перехватила, и с полки кухонной макаронины на меня двинулись с вермишелинами наперевес. С люстры многоножки сыпятся, в ванной Киссинджер гломзает вилками и ножами по кафелю. Что делать? Пол-одиннадцатого!.. А-а-а! Голым не пойду. Ходил один раз. Забрали. Незаконно забрали, ибо я шел и кричал: «Отвернитесь! Отвернитесь, граждане! « Ага! В передней шкаф стоял фанерный с зеркалом. Вырезаю в боках дырки для рук, сзади для глаз, дно вышибаю, кладу рубль с лысым из заначки на верхнюю полку, залажу туда и лифт вызываю. Муде прикрыто и ладно. Нормально. Двигаюсь по улице потихоньку. Игорек за мной бежит, «пусть всегда будет папа» поет. Не тяжело. Только в яйцо левое заноза попала. Зеркало зайчиками чертей распугивает. Так и заявляюсь в гастроном. Успел, слава тебе, КПСС! Поправился и – в химчистку. «А ну, давайте, – говорю, – падлюки, тряпки мои. Я – Тетерин, Квитанцию потерял! « Выдают, как ни странно. Шкаф я им оставил для грязных газет вместо урны. И что же я открываю? Не дураки они! Не дураки американцы! И опять нам заячьи уши приделали! Мы такие средства выделяем для борьбы со шпионами, маскируемся круглые сутки, а они всю работу свели на нет срочной химчисткой. Ведь стоит только тряпкам нашим туда попасть, как в них автоматически вживаются датчики и передатчики. Остальное же дело техники. Спутники летят, ловят их сигналы, и ЦРУ в курсе не то что всех наших планов, но и подробностей личной жизни. Вам-то, – говорю членам политбюро, – хорошо. Ваши тряпки бабы в американку» не носят, а я поддал. Иду. Милашкин, бугор наш, орет: «Ле-тят! Летят! Один над Анькиным ларьком, другой над Манькиным!» « И слышу: жужжит в ширинке и под мышками. Жужжит и, как со спутника, сигналы из меня выходят: «Пи-пи... пи-пи... пи-пи... « Чего же думать? Закрывать надо химчистки к ебенной бабушке! Или же вставлять в наши тряпки помехи. Они нас жужжанием, мы же их треском и скрежетом заглушим, как «Свободу». Косыгин говорит: «Ладно, Тетерин. Мы что-нибудь придумаем. Один ум – хорошо, а двенадцать лучше!.. « Политбюро вроде винных отделов до семи работает. Я говорю: «Пойду, а то не успею». Стали мы все, как во Внукове на проводах Брежнева куда-нибудь, лобызаться по три раза. Но с Суловым никто не лобызался. Чахотка у него. И врачи запретили. Подгорный говорит: «Не серчай, Сулов. Зато у тебя два тома сочинений на днях выйдут, и мы их населению вместо „Баскервильской собаки“ по талонам давать будем».

Вот человек Сулов! Дуба на ходу врезает, ему бы в Крыму на пляже валяться и портвешок дармовой жрать стаканами, а он в ЦЕКА на трамвае каждый день кандехает! Скромный мужчина, вроде Ленина».

Тут, братец, Тетерин вдруг захрипел и в костер повалился, удержать не успели. Обварился немного. Мы его обоссали по древнему способу, чтоб волдырей на лице не было, а он плачет, Игорька зовет. «Прости, – говорит, – Игорек, прости ты меня за то, что пропил я свою восьмую хромосому, и язык ты лишний имеешь! Но я тебе сестреночку рожу, красоточку, принцессу детсадика, а тебя отдам в двуязычную в англо-французскую школу! Прости! Завяжу я, завяжу, завяжу!» « Обо многом, братец, мы тогда поболтали. Подходит участковый. Рыло мятое: он ночью намордник на него надевает, наверное, чтобы бабу свою не кусать: «Вы понимаете, где вы костер разожгли? Вы понимаете, что в пред-олимпийские годы нас всех уничтожат? Вы отдаете себе отчет? Вы почему играете с огнем, когда «Россия» горит? «, «Как горит? « «Так! Сверху взялась! « «А-а-а-а! – заорал Тетерин, за голову схватился. – Горю-ю-ю? « И в речку Пушки – бух! Труп его только через месяц нашли в Суэцком канале. «Вы понимаете, где вы огонь разожгли? « Тут я головешки раскидал, уголье растоптали, повалился и плачу, как маленький, что пронесло беду, Слава Богу! Под костром-то нашим дежурная стратегическая ракета, оказывается, находилась. Еще бы немножко, пару дощечек подкинули бы, и – прощай вторая мировая война, здравствуй, третья! Нас бы раскидало, ракета легла бы на курс, оттуда последовал бы ответ и... все... все! Осталась бы на поверхности Земли только пустая посуда, сдавать же ее было бы некуда и, главное, некому. От этой ужасной картины, мелькнувшей, братец, в здоровой моей голове, почаще бы такие картины мелькали в ваших генеральских и маршалских калганах, заплакал я еще неоткровенней и громче. «Да! Уничтожим вас, ханыг позорных, к Олимпиаде-80! В народе нашем одни спортсмены останутся, выжжем язву алкоголизма олимпийским огнем, проститутки! « – шумит участковый.

Откровенно говоря, братец, стебанулся слегка наш участковый на этой Олимпиаде-80. Стебанулся форменным образом. Начал с балконов. Приказал не вешать на них белье, потому что вывешенное белье секретные американские спутники могут принять за белые флаги сдачи нами идеологических позиций, и тогда в одно чудесное утро мы услышим на нашей Большой Атомной улице скрежет гусениц вражеских танков. «Так что, – говорит, – если кто вывесит простынку и хоть бы даже белые кальсоны, буду рассматривать сей факт как сдачу в плен и стреляю, ети вашу бабушку в тульский самовар, без суда и следствия прямо в лоб. Мне давеча ящик патронов начальство для этого выдало... Ра-а-зойдись! « Любил наш участковый это словечко. Он его ночью во сне и то орал. А все почему? Потому что, братец, пил он не с народом, а в одиночку. Чурался, сволочь, масс, индивидуалистом маскировался, трезвым. Но мы-то знаем, что на дежурство он без четвертинки спирта не выходил. И где, ты думаешь, он носил этот спирт, которым ему взятку в ядерном институте давали. В кобуру он его наливал! Да, да! В кобуру. Иной раз зайдет с тоскливой и яростной рожей за угол, снимет кобуру с портупей, башку запрокинет и присосется, ни капельки на землю не прольет. Вот и допился институтского спирта, которым ко дню рождения Ленина бомбы протирают. Сначала лаять во сне начал наш участковый. Тетерин ведь за стеной у него жил, все слышал. Лает и лает. Иногда с подвизгом, иногда, особенно в полнолуние, с тошнотворным подвоем. Спать невозможно было от евоного лая и воя, а указать на это не давал он нам никакого права.

«Я лаю по особому оперзаданию, и не окрысивайтесь, подлецы! И вой у меня государственное значение имеет. Без него давно бы уже стали рабами капитала и нью-йоркской мафии! « Так он нам говаривал... Ты не перебивай, я все равно не двинусь дальше, пока не доскажу душераздирающую истину про нашего безумного участкового... Не командуй! Я тебе не Варшавский пакт! Я сейчас как гаркну «Смир-на-а! «, так ты у меня лапки по швам вытянешь и простоишь до второго пришествия, когда тебе скажут: «Вольна-а! « Понял?

Баба же нашего участкового вконец измучилась от лая и воя своего муженька. Ну, и не выдержала, естественно. Не выдержала и стала затыкать ему на ночь глотку. То носком грязным, то портянкой, то трусами, и дрых себе участковый без задних ног до утра. И ни о чем не догадывался. Отдохнуть дал Тетерину-соседу и бабе своей с детишками. Все было бы хорошо. Только стал он недоумевать, отчего это у него по утрам то нестиранный носок, то вонючая портянка, то запревшие трусики оказываются мокрыми и изжеванными порой невероятно. Ничего понять не умеет. Баба же его обычно ставила будильник для себя лично, вытаскивала утречком из участковой пасти затычку и сушила ее на батарее. Все было хорошо. Но как-то испортился у них будильник, хотя клеймо на нем стояло знака качества, и продирает однажды наш участковый пьяные свои зенки и обнаруживает свою глотку заткнутой. Ни охнуть, ни вякнуть, ни слова прохрипеть не может. Чуть не задохнулся от обиды, вырывает кляп и давай кусать свою бабу. До крови искусал, пока она голая на улицу не выскочила. Спасли мы ее.

А она с тех пор не давала себя участковому, пока он на ночь на напяливал на свою ханыжную харю бульдожьего намордника. Любил он жену. Поэтому и надевал. Любовь к бабе, братец, и не на такие подвиги подталкивает, а еще на более сногшибательные. А выть перестал. Разве и залает после седьмого ноября, но я лично считаю, что это в порядке вещей после праздничной похмелюги. Но дело не в этом. Нас-то, гаденыш, привык утрировать по-зверски. Житья не давал, асмодеище. Ты интересуешься, почему я говорю утрировать, а не третировать. Потому что утрировать означает третировать утром, когда мы собираемся в яблонево саду за Зинкиным ларьком. На ночь некоторые из нас зарывали, бывало, под старыми яблоньками остатки портвешка, чернил, бормотухи или пивка. Зароешь, а потом по утрянке откопаешь, опохмелишься и – под землю, сортировать атомы урана. Конечно, если со стороны на нас поглядеть, то странная, должно быть, картина открывалась в ЦРУ на проявленных снимках. Ползают между яблоньками маскировщики на карачках: рыщут зарытую заначку, ибо один из них забыл, мерзавец, где он ее заныкал. Перерыли мы однажды весь сад, ножами и палками землю истыкали – нигде не можем найти четвертинку и бутылку пива. Нигде. А сердца-то наши тем временем останавливаются, не хотят тикать без расширения сосудов. В головах же буквальный конец света, страшный суд и изнурительный ад. Госка, повторяю, и мрак. Большое горе. Наконец, когда казалось, не выйдем мы все из яблоневого сада, умрем на посту и окончательно не воскреснем, натыкаюсь я случайно на белую головку под вялым осенним лопушком. Зубами стащил, губу порезав, оловянную пробку, зубами же «Жигулевское» открыл, откуда только силы взялись, ибо руки у всех тряслись, как у балалаечников из оркестра народных инструментов имени Курчатова, и отпили мы, сердешные, бедные, из стылой бутылочки, из «маленькой», по одному спасительному

глотку... Ух! Слава тебе, Господи! Прости и помилуй, спасены! Спасены на этот раз, а что дальше будет, неизвестно. Как завтра повернется судьба, не ведаем...

Быстро, для увеличения КПД водки и пива, разводим костер. Смешиваем в бутылке из-под шампанского с колотым горлом то и другое, и вот уже, товарищ ты мой, генерал-лейтенант, после спасения сам батюшка кайф коснулся наших внутренностей отеческой своей рукою. Кайф! Враз тела от него молодеют, мысли появляются в смурной, тупой и болезной пару еще минут назад башке, весь мир, включая проклятый наш Старопорохов, выстраиваться начинает на глазах, и хочется душе чего-то такого... трудно даже сказать чего... высокого, настоящего, делового, полезного государству и людям, бескорыстного такого, решительного, партийного, а главное чистого... выпить еще, одним словом, хочется, а потом уже по эскалатору, вниз на второстепенную работенку – писать красной краской на ракетах зловещий лозунг «смерть капитализму», И вот, только мы в порядок привели себя после вечерней маскировки, смотрим: человек бежит к яблоневому саду от нашего дома. Босиком человек, хоть инеем за ночь прихватило осеннюю травку, в кальсонах голубых и сиреневой майке. Участковый. Кое-кто думал рвануть когти подальше от штрафа, но я команду:

– Цыц! Участковый в кальсонах на маскировку работает. Беды не будет. Оставаться на местах! Четвертинку притырить!

Подбегает, зверюга, запыхавшись. Рыло фиолетовое, вот-вот задохнется. Знаю я такие лица. Они от смертельного сужения сосудов бывают. Многолетнего, разумеется. Тут ты, братец, прав.

– Братцы! – хрипит умоляюще. – Братцы! Спасите! Дома – ни грамма!.. Помираю! Ей-Богу, умираю! Хоть пива дайте глоток, хоть одеколону... Спасите! Руки-ноги отнимаются! Можно и лосьончика!

На лбу участкового испарина. Дышит неровно. Подергивается весь. Глазенки бегают. Знакомая картина. Жалко человека бывает в таком состоянии. Беспомощен он и болен, и вся его случайная жизнь зависит в такие минуты от наперстка вшивого водки или от полстакана любой советской бормотухи.

– Век не забуду, братцы! Налейте! Дышать трудно! Грудь спирает! Виски горят!

– Нету, – говорю жестокою ложь. – Сами девятый хуй без соли доедаем! Запасать надо. Ты из магазинов, стерва, сумками волокешь, а у нас, маскировщиков, стреляешь. Где нажрался-то, борец с алкоголизмом?

– Праздник был, – отвечает, – у меня. Пистолет я потерял в понедельник. Все уж думал – конец. В петлю лезть собирался. Пенсия моя накрылась, а быть может, и свобода. Нашелся он, братцы, нашелся. Я его на складе, когда заведующую улюлюкал, выронил. Нашелся. Ну, и загулял. Спасите!

– Как же ты его выронил? Вниз головой что ли стоял? – спрашивает Тетерин. Он любил как инженер-изобретатель до сути вещей докапываться.

– Не помню. Сонька такое иногда выделывает, что башка, как после карусели, кружится... Дайте глоток! Помираю... Костер горит. Значит, грели портвешок.

Нет думаю, не получишь ты, паскуда, глотка. Не получишь! Не ты ли костры наши раскидывал, не ты ли штрафы присылал за распитие спиртного в неположенных местах? А? А кто отлавливал нас, как бешеных собак, и волок в вытрезилровку? Ты – гадина! А главное, ты вредитель и, возможно, шпион, срывающий маскировочную задачу партии. Ты себя над нею поставил!

– Да, – говорю вслух, – ты поставил себя над партией и неспроста по ночам лаешь и воешь. Нету у нас для тебя ни глотка. Иди, продай пистолет и на вырученные деньги опохмельись.

Синеть начал тут наш участковый, а кончики пальцев белеют и не шевелятся. Перетрухнул я тут, но и водяру на змея переводить жалко.

– Подожди, – говорю Тетерину. – Не отливай в кусты. Давай, лей сюда в стакан.

Я это, конечно, тихо сказал, чтобы участковый не слышал. А может, у него тогда с похмелья уши были предсмертной глухотой заложены. Расстегнул Тетерин штаны и налил мне целый стакан до краев первой после ночи мочи. У него так от пьяни сужались сосуды, что он, извини, братец, отлить иногда не мог без опохмельки.

– пей, – говорю участковому, – пока горячая. Градусов в ней 12 есть точно.

Верись, генерал, залпом околотошный наш стаканище вымахал, ни капли не расплескал, только ахнул, лопушок сорвал и занюхал, да слезу прощания с жизнью со щеки смахнул.

– Ох, хорошо! Век не забуду! Оживаю, братцы.

– Вкусно? – спрашиваю.

– Солонато и клопами пахнет. Но поправился.

– Это вчера пиво с коньяком Тетерин перемешал. Еще хочешь?

– Не мешало бы. Я деньги могу принести. На халяву пить не собираюсь.

– Неси. Нам к одиннадцати пригодятся. Принес, одетый уже в форму однако, пять рублей. А Тетерин за все его гадости и подлости ему между тем еще стакашок отлил. Вернулся же участковый совсем пьяненький и веселый. Поет: люблю, друзья, я Ленинские горы. Там хорошо рассвет встречать вдвоем... Закусона принес: колбасы, лука, помидор, пирожков каких-то и холодную кость из супа всю в мясе и аппетитных хрящах. Одним махом второй стакашок врезал тетеринской мочи и за любимую свою тему взялся: за Олимпийские игры и алкоголизм с хулиганством.

Вот зря, генерал ты мой военный, не веришь, что мочой опохмелиться можно. Это не означает, что нужно. Я лично один раз спас так жизнь одному своему маскировщику Кожинову. Кончался человек прямо у нас на глазах. Чуем, не дотянет до одиннадцати часов, не дотянет. Минут сорок до открытия рыгаловки-автомата оставалось. А он улегся прямо на Ленинском проспекте и кончается. Язык синий вывалил, глаза скосил, посерел, еле дышит. Тетерин и зарассуждал теоретически как всегда, что не может в нас не быть остаточного алкоголя в крови и в моче, если мы с утра под тяжелой балдой ходим. Должен иметься алкоголь. И хотя он разбавлен в нас различными безалкогольными напитками, типа воды, все равно можно его использовать в крайних случаях. И сейчас как раз выпал такой случай. Спасти надо Кожинова. Вон он хрипеть уже начал. Стаканы, между прочим, всегда у нас с собой имеются. Поднесли Кожинову полный. Пену, как и положено, сдули. Жахнул он его, дергаться перестал и минут через пять зачирикал: ожил совсем. А что пил, так и не разобрался.

Но вернемся к участковому. Разобрало его, и понес он всякую бодягу про подготовку к олимпийским играм. Мы, говорит, указ секретный получили вырвать с корнем из Старопорохова к 80-му году язву алкоголизма, хулиганства, блядства, фарцовки, валютки и прочее. Гости, говорит, иностранные, а их полмиллиона собирается нахлынуть, чтобы поглумиться над нашими порядками, должны увидеть на каждом шагу безусловное стремление к коммунизму и идеологической добросовестности. В дни олимпийских игр всем не выселенным из города гражданам будет предложено, вернее приказано, прилично одеваться, лучше питаться, читать с особым выражением на лице книги товарища Брежнева в метро, трамваях, в автобусах и троллейбусах, а также на ходу. Можно при этом пускать слезу. Хохотать запрещено, потому что ничего смешного в великой трилогии писателя Брежнева нет. Запрещено также образовывать очереди у продовольственных и промтоварных магазинов. Очередь больше пятнадцати рыл одновременно будет рассматриваться как злоумышленная группа лиц и подвергаться рассеянию и штрафу. Граждане, тайком пробирающиеся во время олимпийских игр в город с периферии для снабжения своих семей мясом, маслом и рыбой, должны быть немедленно сняты с транспортных средств и этапированы к месту жительства. Прописка в городе Москве и его радиусах со вчерашнего дня разрешается только новорожденным гражданам от родителей, имеющих постоянную прописку в городе Москве и его радиусах. Остальные, включая командировочных, временно обязаны считать себя персонами нон-грата. А вы, говорит участковый, пьяницы, и есть таковые персоны. Для борьбы с вами, говорит, уже обучаются тысячи юношей и девушек, и все они в дни олимпийских игр выйдут на улицы нашего великого города, чтобы следить за контактами гнилых интеллигентов и прочих тухлых граждан со спортсменами, чтобы пресекать наши попытки сдавать пустую посуду многочисленным интуристам из многих стран мира, чтобы помогать большим друзьям Советского Союза, типа Анджелы Дэвис, не обращать внимания на теневые моменты действительности, чтобы мгновенно собирать разбрасываемые агентами НТС листовки, брошюры, библии, произведения Ахматовой, Булгакова, Сахарова, Григоренко и прочих антисоветчиков. Основное внимание будет уделено недопущению на территорию СССР ни строки матерого врага, купившего в Америке старинную крепость с охраной и мечущего оттуда злобные выпады в адрес своей сверхдержавной родины... Вот так, говорит, дело у нас поставлено, чтобы засекать все контакты советских, вернее антисоветских, граждан с интуристами. Не секрет, что большая их часть уже не дремлет и будет заброшена сюда по путевкам ЦРУ. А уж потом по снимкам все эти вражеские рожи получают по заслугам и встанут на учет куда следует. В общем, говорит участковый, советую вам уйти, пока не поздно, в глухую завязку и развязать сразу же после Олимпийских игр. И не бухтеть на каждом шагу, что цены на рынках не по карману рабочему классу, что продуктов все меньше и меньше даже в Старопорохове и прочую антисоветчину и клевету. Есть у нас в стране продукты. Есть! Но мы их копим к Олимпийским играм и посему не выбрасываем на прилавки провинции и даже столиц союзных республик. Вы же, говорит, антилопы, не представляете, сколько жрут спортсмены и интуристы во время Олимпийских игр! Много жрут. Если, например, для завоевания бронзовой медали в прыжке в длину спортсмену требуется за неделю съесть два кило мяса,

то для получения золотой медали в тройном прыжке необходимо хорошо усвоить соответственно шесть килограмм мяса. А если подсчитать, сколько на Олимпиаде будет представлено видов спорта и сколько будет разыграно комплектов медалей между представителями соцлага и каплага, то выйдет стадо в десятки тысяч голов скота. О курицах, гусях, утках и прочих деликатесах лучше не говорить. Так ведь если сейчас вот, сегодня, весь советский народ накинется на всю эту живность, ежедневно прибавляющую в весе, то что же останется к началу Олимпийских игр? Консервы «завтрак туриста» останутся с перловкой в ржавом томате и больше ничего. Но они же на нашего туриста рассчитаны, эти немислимые завтраки, а как быть с «интуристом»? Чем его кормить? Он ведь задание получит от ЦРУ жрать, жрать и еще раз жрать, чтобы создать продовольственный дефицит в столовках и ресторанах. Он – интурист – позора нашего жаждет. Но мы ему скажем: жри, дорогой, жри хоть до заворота кишок. Мало тебе одного эскалопа или же цыпленка-табака – еще получай. Лети в пике, как говорится, за добавкой. Лопай! Мы, может, лет пять на жратве сэкономили, многие города забыли уже запах колбасы и вкус сливочного масла, но тебя-то мы накормим от пуза! Хавай! Нас ты за две недели не обхавашь, даже если после первого, второго и компота из сухофруктов пойдешь, поставишь клизму себе шпионскую и снова за стол усядешься. Вот что наша партия скажет господам интуристам! Просчитались, скажет она, господа! Аппетит ваш обречен на провал! Поэтому, внушает участковый, не бухтите по подъездам и когда портвейн жрете, что хуже, чем сейчас, не было положения с продуктами в нашей стране. Не забывайте о полчищах интуристов, готовящихся к налету на наши столовки, кафе и другие точки нарпита.

Тут Тетерин вмешивается и отвечает, что он сию минуту изобрел новые консервы «завтрак интуриста» и посвящает свое изобретение Олимпийским играм. В банки надо набить черной и красной икры, а сверху положить пластмассовый плакатик «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй!» Таким образом наша партия убьет сразу двух зайцев: накормит интуристов завтраком и настроение им на целый день испортит.

– Спившаяся ты персона, Тетерин, – говорит участковый, а я ему бесстрашно заявляю:

– Что же ты, околотошный, опохмелился и обнаглел? Ты сам и есть настоящая персона, потому что мысли твои идут вразрез с генеральной линией маскировки. Ты, – говорю, – понимаешь, дубина, основную идею Олимпийских игр? Не спортивную идею, а секретную, политическую?

– Ну?

– Налей ему еще, Тетерин, если тебе захотелось, – говорю, – но только в кусты не иди, чтобы баба из окна не увидела.

Участковый от второго тетеринского стакашка мочи совсем захмелел. Поэтому и растекался так. А после того, как еще полстакана, ничего не подозревая, врезал, совсем распетушился и как забазлает на меня:

– Я тебе покажу, псих, секретную задачу! Я тебя быстро под уколы сдам! Повалешься в Белых столбах, поломают тебе ребра санитары, пожуюшь рукав серенького халата, язык себе откусишь за такие свои слова! Понял?

– Я-то, – говорю, – понял все, чего достиг, а ты, болван, по ночам воешь и лаешь, в наморднике спишь, чтобы бабу не кусать, и пистолеты казенные роняешь при совокуплении с завскладом прямо на мешках и на ящиках, потому что ты оружие за пазухой держишь, в кобуре же носишь спирт! Пасешься там, где копятя к Олимпийским играм продукты, сука, для народа, а главного не видишь и не слышишь! Ты приложи свое поросычье ухо к земле, говорю, приложи! – Пригнул я участкового к земле. – Слышишь? Там уже подземные работы ведутся. Здесь вот, на месте нашего яблоневого сада стадион вот-вот начнут строить, а под ним знаешь что расположат, олень пьяный? Под ним центральную Красную площадь строят с Кремлем, лобным местом, мавзолеем и со всеми делами. Мы-то если шархнем по врагу водородками, то сметем его с лица земли, а уж он тоже, конечно, сметет нас. Но с лица подземелья нас не снесешь. Не снесешь. Нету такой еще у ЦРУ силы... Так что, вполне возможно, придется нам всем встретить первый день коммунизма под землей. Скучновато, я думаю, будет жизнь проживать внутри, но с другой стороны, пора и честь знать: пожили снаружи и хватит. И так черт знает чего натворили мы, люди, на поверхности. Зверя почти извели, луга вытравивали, воду в реках замутили, леса вырубали и изгадили, воздух провоняли, как в сортирах и казармах. Хватит... Но ты-то, выходит, не понимаешь нашей маскировочной задачи. Ты не понимаешь, что мы отвлекаем вместе со всем советским народом и Олимпийскими играми внимание Пентагона настырного от того, что происходит под землей. А мясо и тресковое филе запасаются не для интуриста вражеского на время спортивной эпопеи, почему и нету ни хрена в магазинах, а для светлого будущего. Там, под

землей, зажжем мы однажды свет, вентиляторы включим, чтоб воздух снаружи гнали, сядем за длинные столы, нальем в стаканы чистойшей «особой московской», хлобыстнем и закусим сначала рыбкой, жаренной в сухарях, с пюре из молодой картошки, а потом после второго стакана за отбивную баранью котлету примемся... Ну, обнимемся, разумеется, и запоем «и никто на свете не умеет лучше нас смеяться и любить! « А Леонид Ильич запевать будет «но сурово брови мы насупим, если враг захочет нас сломать». И это уже коммунизм полный, а не хрен собачий. Ты не вставай, говорю, с земли, слушай. Великая под тобой стройка идет рядом с ракетно-ядерными цехами. Великая. И ЦРУ с Пентагоном, ФБР и НТС даже представить себе не могут ее небывалого размаха. Приезжайте, дорогие господа, подымайте свои штанги, прыгайте с шестом и без шеста, мячики через сетку перекидывайте, кувыркайтесь, плавайте, бегайте, как оглоушенные пыльными мешками, тыкайте друг друга саблями и рапирами, а мы под вами будем продолжать свое светлое будущее наяривать и погибель для вас производить. Вот как, участковая твоя рожа, понимать надо все, что по радио говорят, по телеку показывают и в газетах пишут. И не мы, маскировщики, на переднем гибнущие крае всенародной маскировки, враги партии и правительства, а ты! Почему, спрашиваешь? А потому, что если ты пистолет потерял, когда завскладиху нажаривал, форму с портупеей не сняв даже, то что ты потеряешь, когда враг ракетами по нам врежет? Все потеряешь: ум, честь и совесть нашей эпохи, не говоря о фуражке с кокардой. А теперь будь здоров и не кашляй. Нам на работу пора. Я сегодня на вахту встаю в честь выборов в местные советы и обязуюсь протереть постным маслом десять ракет вместо трех и пересыпать уран-238 из шести старых бомб в одну новую. А завтра все мы выйдем с похмельюги на субботник и будем строить под беговой олимпийской дорожкой новую психушку с закрытой тюрьмой, а также книжный крематорий, где партия решила сжигать в огромных количествах антисоветскую и религиозную пропаганду. Вот такая беседа была у меня с проклятым участковым.